

ВСЕ НАШИ
СКРЫТЫЕ
ТАЛАНТЫ

КЭРОЛАЙН О'ДОНОХЬЮ

**LIKE
BOOK**

Москва
2021

УДК 821.111-31(417)
ББК 84(4Ирл)-44
О-44

Caroline O'Donoghue
ALL OUR HIDDEN GIFTS

© 2021 Caroline O'Donoghue
Published by arrangement with Walker Books Limited, London SE11 5HJ
All rights reserved.

Cover © 2021 Lisa Sterle
Interior illustrations © 2021 Stefanie Caponi
Reproduced by permission of Walker Books Ltd, London SE11 5HJ
www.walker.co.uk

Перевод с английского *Олега Перфильева*
Художественное оформление *Юлии Девятовой*

О'Донохью, Кэролайн.

О-44 Все наши скрытые таланты / Кэролайн О'Донохью ;
[перевод с английского О. Перфильева]. — Москва : Эксмо,
2021. — 384 с. : ил.

ISBN 978-5-04-121563-7

Шестнадцатилетняя Мэйв Чэмберс знает, что значит быть изгоем. Младший ребенок в семье гениев, она учится в школе для отстающих.

Однажды Мэйв наказывают и отправляют убираться в кладовке. Там девушка находит колоду карт Таро и приходит к неожиданному открытию. Оказывается, она обладает скрытым талантом, который позволяет понимать особый смысл каждой карты.

Мэйв становится очень популярной в школе: от желающих получить ответы на волнующие вопросы нет отбоя. Когда она гадает бывшей лучшей подруге Лили, то впервые вытаскивает незнакомую карту, а на следующий день Лили бесследно исчезает. Мэйв решает при помощи Таро отыскать подругу, но не подозревает, куда ее могут завести магические карты.

УДК 821.111-31(417)
ББК 84(4Ирл)-44

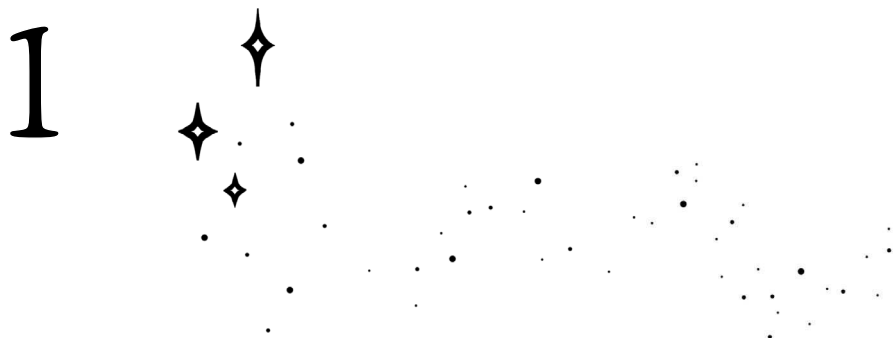
© О. Перфильев, перевод на русский язык,
2021

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2021

ISBN 978-5-04-121563-7

МОИМ БЛИЗКИМ, ЗА ТО,
ЧТО ОНИ ТАКИЕ ИНТЕРЕСНЫЕ

И ХАРРИ ХАРРИСУ, ЗА ТО,
ЧТО ПЕРВЫМ ПРОБУДИЛ ХОЗЯЙКУ

ИСТОРИЮ О ТОМ, КАК Я НАЧАЛА ГАДАТЬ НА КАРТАХ Таро из «Душегубки», можно рассказать так, чтобы в ней подробно говорилось бы о том, как меня четыре раза оставляли после уроков, как три раза посылали записки родителям, поставили две плохих оценки за поведение, и как один раз я оказалась запертой в кладовой.

Я поведаю вам краткую версию.

Мисс Харрис наказала меня за то, что я швырнула ботинок в мистера Бернарда. И поделом ему — он назвал меня глупой, потому что я не выучила итальянские глаголы. На это я ответила, что все равно итальянский смешной язык для изучения и что нам было бы лучше изучать испанский, потому что на нем говорят больше людей во всем мире. Мистер Берnard сказал, что если я действительно думаю, будто смогу выучить испанский быстрее, чем итальянский, то глубоко ошибаюсь. И повернулся обратно к доске.

И я швырнула в него ботинок.

Ботинок даже не попал в него. Я особенно подчеркиваю этот факт. Он просто ударился о доску рядом с учителем. Но всем почему-то до этого нет дела, кроме меня. Будь у меня лучшая подруга — или хотя бы какая-нибудь подруга — возможно, она вступилась бы за меня. Сказала бы, что я просто пошутила и что я ни за что бы не подумала на самом деле ударить учителя. Объяснила бы, что со мной так бывает: раз-

дражение и гнев накапливаются, накапливаются, а потом в самый неожиданный момент выплескиваются без всякого контроля с моей стороны.

Но такой подруги у меня нет, и я даже не уверена, что я заслужила подобных подруг.

Наказание мое начинается во вторник утром. Я захожу в кабинет мисс Харрис, и она отводит меня в подвал.

За четыре года моего пребывания в школе Святой Бернадетты канализационные трубы замерзли и лопались дважды, не говоря уже о ежегодном затоплении. В результате две крошечных классных комнаты покрылись зеленой плесенью, и воздух в них постоянно был влажный и затхлый. Учителя старались, насколько это возможно, не назначать там уроков, так что эти комнаты по большей части использовались для наказаний, экзаменов и хранения всякого хлама, который никто не удосужился выбросить.

И жемчужина подвала — длинная кладовка по прозвищу «Душегубка», при виде которой невольно вспоминалась комната пыток Транчбуль из «Матильды».

Остановившись у кладовки, мисс Харрис театрально взмахивает рукой и произносит:

— Та-дам!

— Вы хотите, чтобы я прибралась в Душегубке, — удивляюсь я. — Это негуманно.

— Более негуманно, чем бросаться в кого-то обувью, Мэйв? Не забудь отделить общие отходы от пластика, бумаги и всего, что можно переработать.

— Я не попала в него, — протестую я. — И нельзя заставлять меня здесь убираться. По крайней мере одной. Вдруг здесь дохлая крыса.

Мисс Харрис вручает мне рулон пакетов для мусора.

— Ну что ж, тогда она попадет в категорию «общие отходы».

И оставляет меня там. Одну. В жутковатом подвале.

Я не знаю, с чего начать. Я выхватываю одну вещь за другой, бормоча себе под нос, что вечно в этой школе вот

так. Школа Святой Бернадетты отличается от нормальных школ. Долгое время это здание было большим викторианским особняком, пока где-то в 1960-х годах его не унаследовала сестра Ассумпта. Ну как «сестра», мы просто так ее называем, на самом деле она была послушницей, вроде Джули Эндрюс в «Звуках музыки», ушла из монастыря и основала школу для «благовоспитанных девочек». Возможно, это было неплохой идеей, когда «благовоспитанных девочек» во всем городе было не более дюжины. Но теперь нас более четырехсот, вынужденных каким-то образом размещаться в этом все более ветшающем здании с продуваемыми пристройками и превращенными в кабинеты старыми спальнями на чердаке. Причем обучение здесь стоит просто неприлично дорого. И мне лучше не жаловаться на школу при родителях. Остальные четыре ребенка в нашей семье здесь не учились. Они были достаточно сообразительными, чтобы обойтись обычными бесплатными школами.

Стоимость обучения в Святой Бернадетте за семестр — около двух тысяч евро. Если эти деньги на что-то идут, то явно не на здравоохранение и безопасность. Я даже не могу сразу зайти в Душегубку из-за сваленных в кучу сломанных старых парт и стульев, перегораживающих вход. Всякий раз, как я вытаскиваю из кучи очередной предмет мебели, мне в нос ударяет очередная порция гнили и пыли. Сначала я стараюсь переносить каждый предмет по отдельности и складывать их в углу классной комнаты, но когда ножка стула отрывается и больно ударяет меня по ноге, я решаю, что с меня хватит аккуратности. Сбрасываю школьный джемпер и начинаю швырять обломки через всю комнату, словно метательница копья на Олимпийских играх. Через какое-то время мне это даже начинает нравиться.

Разобравшись с мебелью, я с удивлением осознаю, сколько же в Душегубке места. Мне всегда казалось, что это просто большой шкаф, но, похоже, когда-то ее использовали как

кладовку для хранения съестных припасов. Здесь без труда могли бы разместиться три-четыре девочки. Полезная информация, кстати. Место для укрытия никогда лишним не бывает. Правда, здесь не хватает лампочки или какого-то другого источника света. Дверь настолько тяжелая, что мне приходится подпереть ее старым стулом, и даже тогда я работаю почти в полной темноте.

Оказывается, мебель была лишь началом. За ней скрывались кучи бумаг, журналов и старых учебников. Я нахожу экзаменационные билеты 1991 года, комиксы «Банти» 1980-х годов и пару выпусков журнала под названием «Джеки». Некоторое время я их перелистываю, пробегая глазами статьи про проблемы и странные иллюстрированные истории из десяти картинок, которые кажутся ужасно старомодными. Все они называются как-то вроде «Большой улов Милли!» или «Свидание с Судьбой!».

Я читаю «Свидание с Судьбой!». Оказывается, это кличка лошади.

Но по-настоящему интересное открытие ожидает меня у задней стены. Пара картонных коробок, покрытых толстым слоем белой пыли. Взяв верхнюю, я открываю ее и нахожу три плеера Sony Walkman, пачку сигарет Superkings, полупустую бутылку засохшего персикового шнапса и колоду карт.

Контрабанда. Скорее, все это когда-то было конфисковано и оставлено здесь на хранение.

Еще я нахожу заколку для волос с маленьким серебряным ангелочком, кажущуюся такой невинной и святой рядом с этим куревом и «бухлом». Я примериваю ее, но потом вспоминаю, что на ней могут быть яйца вшей, и выбрасываю в мусорную корзину. В одном из плееров обнаруживается кассета. Я присоединяю к нему наушники и нажимаю кнопку «Играть». Странно, но он до сих пор работает. Кассета начинает крутиться. *Не может быть!*

В голове начинает ритмично звучать неплохая медленная бас-партия. *Дум-дум-ди-дум-де-дум*. На этом фоне почти шепчет женский голос, вкрадчивый, похожий на детский.

Она поет о знакомом ей мужчине, зубы которого белы как снег, что кажется довольно глупой строчкой. А какого цвета она ожидала от зубов?

Я продолжаю слушать, прикрепляя плеер к юбке. Большинство песен мне не знакомы, но все они выдержаны в духе гранжа с «грязным» звучанием. Песни, от которых буквально видишь плохо подведенные глаза. Не помню, когда я в последний раз слушала то, что не могла бы точно назвать. И я даже не уверена, хочется ли мне узнавать, что это. Кажется, что не знать — это даже отчасти круто. Я переслушиваю кассету снова и снова. Всего в ней одиннадцать песен, и все поют либо мужчины с очень высоким голосом, либо женщины с очень низким. Я открываю плеер и разглядываю кассету, которая оказывается домашним сборником. Единственное украшение — белая полоска с надписью «ВЕСНА-1990».

Я пытаюсь поднять другую тяжелую коробку, но отсыревший картон рвется на дне, и ее содержимое высыпается на меня, едва не сбивая с ног. Наверное, что-то ударяет по двери, потому что стул, которым я ее подпирала, неожиданно падает, и дверь Душегубки захлопывается.

Я оказываюсь в полнейшей темноте, шарю в поисках дверной ручки и понимаю, что ее нет. Наверное, это все-таки была не кладовая. Просто очень большой шкаф.

В ушах у меня продолжает играть музыка. Теперь она кажется не такой уж веселой и бодрой. Скорее, жутковатой. Моррисси поет про ворота кладбища. Пока я колочу в дверь, ленту заедает, и певец словно икает на слове «ворота».

— ЭЙ, ЕСТЬ КТО ТАМ? — кричу я. — ЭЙ! Я тут ЗАСТРЯЛА. Я ЗАСТРЯЛА В ДУШЕГУБКЕ!

«... ворОтА кладбища, ворОтА кладбища, ворОтА кладбища, вратА...»

Кладовка, которая несколько минут назад казалась такой просторной, теперь кажется размером со спичечный коробок, который собираются поджечь. Раньше я даже не подозревала, что могу страдать от клаустрофобии, но чем больше

на меня наваливается стена, тем больше я думаю о воздухе в помещении, который уже ощущается таким густым и затхлым, способным задушить меня живьем.

Я не заплачу, я не заплачу, я не заплачу.

Я так и не заплакала. Но со мной происходит кое-что похуже. К голове приливает кровь, и, несмотря на полную темноту, в глазах у меня расплываются лиловые пятна, и я чувствую, что вот-вот упаду в обморок. Я вытягиваю руку, чтобы ухватиться за что-то и удержаться на ногах, и мои пальцы нащупывают что-то прохладное, тяжелое и прямоугольное. Нечто, похожее на ощупь на бумагу.

Батарейка плеера начинает садиться. «... *ворОтА кладбища, ворОтА кладбища, ворОООтАААА клаааа...*»

И ничего. Молчание. Тишина, за исключением того, что я зову о помощи и колочу в дверь.

Дверь распахивается. Передо мной стоит мисс Харрис. Я едва не падаю на нее.

— Мэйв, — произносит она озабоченно.

Несмотря на панику, я с удовлетворением отмечаю встревоженность в ее взгляде. *Вот тебе, гадина.*

— Что случилось? Ты в порядке?

— Дверь захлопнулась, — выдавливаю я из себя. — Захлопнулась, и я не могла открыть, и...

— Присядь, — приказывает она.

Из своей сумки она выуживает бутылку воды, отвинчивает крышку и передает бутылку мне.

— пей маленькими глотками. Дыши спокойнее. Не паникуй.

— Все нормально, — говорю я наконец. — Я просто испугалась. А что, уже обед?

На ее лице отображается настоящее волнение.

— Мэйв, уже четыре часа!

— Что?

— Ты хочешь сказать, что не обедала? Что все время сидела здесь?

— Ну да! Вы же сказали мне тут прибраться!

Она качает головой, словно я волшебный горшочек с кашей, который постоянно выплевывает кашу, пока не скажешь волшебное слово, чтобы он прекратил.

— А знаешь, — говорит она, заходя в кладовку (у меня на мгновение проскальзывает мысль — чтобы захлопнуть за ней дверь), — просто поразительно, чего можно достичь, если как следует постараться. Я и понятия не имела, что здесь столько места. Ты просто волшебница. Молодец.

— Спасибо, — слабо отвечаю я. — Я так и думала, что мое призвание — быть уборщицей.

— Ну хорошо, приведи себя в порядок в туалете и иди домой, — говорит она, и я понимаю, что представляю собой еще то зрелище.

Покрыта с ног до головы пылью, колготки порвались, форменная блузка вся в паутине.

— С тобой все точно хорошо?

— Ага, — отвечаю я, на этот раз слегка раздраженно.

— Увидимся завтра утром. Тогда и решим, что сделать с этой мебелью.

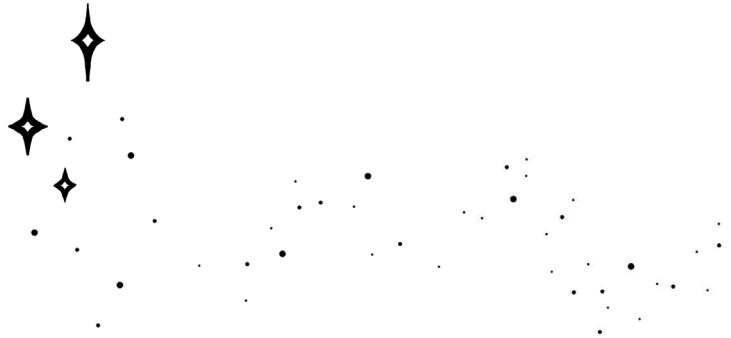
Она направляется к двери, придерживая рукой ремешок сумки на плече. Потом оборачивается, в последний раз осматривает меня и склоняет голову набок.

— Не знала, что ты увлекаешься картами Таро.

Я не имею ни малейшего представления, о чем она говорит. Потому перевожу взгляд вниз. В своих руках я сжимаю колоду карт.

2

Я РАЗГЛЯДЫВАЮ КАРТЫ В АВТОБУСЕ ПО ДОРОГЕ ДОМОЙ. Не могу понять, какая в них система. На некоторых написаны названия, вроде «Солнце», «Отшельник» или «Шут», но у других есть числа и масти. Но не черви, трефы, пики и бубны, а жезлы в виде длинных коричневых дубинок; кубки, больше похожие на бокалы для вина; мечи — просто мечи, и пентакли, представляющие собой диски со звездочкой на них.

На большинстве карт нарисованы люди; краски яркие — красные, золотые и пурпурные. Каждый персонаж очень усердно занимается своим делом. Вот мужчина вырезает тарелку, и видно, что он *ну очень* старается. Никто еще в жизни так не старался, как этот парень. На карте изображена восьмерка пентаклей. Интересно, что это должно означать? *Сегодня вы будете вырезать тарелку?*

Конечно, я и раньше видела карты Таро. Иногда их показывают в фильмах. Гадалка вытягивает карты из колоды и произносит что-то невразумительное, а ты, зритель, сразу же понимаешь, что перед тобой мошенница. Иногда она говорит что-то конкретное, чтобы собеседник напрягся и слушал внимательно: «А что думает по этому поводу ваш муж *Стив?*» Или что-то в этом роде.

Я быстро перебираю карты, замечая, что каждая отмечена по системе, схожей с обычными картами. В каждой ма-